

Светозаръ Лучникъ

Светозаръ Лучникъ

Воскрешение сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39843923

SelfPub; 2019

Аннотация

Родился Человек... Родился, чтобы жить в любви и радости, но Время тяжких перемен наложило на его плоть уродство, которое он пытался победить всю свою жизнь. Он искал истину, стремился быть любимым, но понимал, что любовь даёт страдания. И, чтобы выжить в этом грешном мире, прежде надобно пройти длинный коридор скорбей, испытаний, унижений...

Пора раскрыть Начало Слѡва

Пусть будет в чувственной нужде любая мысль, и даже буква. Коль сердце выберет любовь, тогда в любви раскрой и душу, а при раскрытии души узришь и тайну. Коль сердце выберет совсем иное, то и оно не будет тьмою, но станет светом и теплом, в котором сеется величие любых основ. Без них никак. И не осилить этот век.

Ты человек, а человек рождён Величием Благим, с добром, без зла. В благом величии Иисус рождает верный смысл. И пусть же в Нём течёт великое дыханье, оно и станет пробуждать на внутреннем чутье достоинство Святой Любви, а без неё прожить нельзя, она есть рай, стирающая ад.

Если льётся удивление на способность рассыпающихся слов, тогда смело открывай свет своего немеркнувшего (и почётного) вдохновения и устремляйся на покров Живого Слова, могущего и оживотворить твою несомненную благодать и верность. Коли нет тайного вдохновения по такому желанию, тогда лучше не мучить себя напрасными возможностями данного наречия.

Но какая бы воля не пробудилась на моментдвигающихся мыслей, какая бы сила не укреплялась на непосильной жажде желания, пусть сие только одно сумеет вложить на дух плоти – воскрешение вашего смелого сердца!

Без воскрешения невозможно унаследовать правду, нельзя и удержаться на бездорожье. А погибать – удел слабых. А

для кого же сила определена? Вот-вот. Сильный устремляется на поиск и находит исток надежды. С надеждой уже можно спокойно двигаться, куда пожелаешь, главное – не утратить огонёк Любви.

Коль слово вывело в такой рубеж, тогда и славно, тогда почёт, и уважение, и множество добротных свойств. Теперь лишь прошагай со мной весь этот путь. Не тяжёлый и недолог он, нет вольнодумств, но есть печаль, несущая раздумью слог.

Пусть же на сём пути не стянут мысли ум зловредностью и горечью тоски, да гнилью. Одна любовь пусть разольётся в чувственном порыве и не сомнёт удел земной, но приоткроет глубину, чтобы, нырнув в неё, не утонуть, а отыскать заветный берег для себя. Он так желанен. И не придуман.

Теперь пора.

Пора бежать вперёд. Бежать не торопясь, но и не медля, ведь опоздать весьма опасно будет. Сомнения оставить хорошо бы позади, они сжигают чувства незаметно, а надобно приметить важность, твёрдость шага своего, чтобы пройти сквозь холод, тьму и выйти на благие просторы бытия, где и встречает путника Иисус, любя.

О способности мысли

Что такое мысль? Это основа человеческого мышления, по которой строится форма общения со словом, соотносящимся на каждом мгновении. На словах нам дана жизнь тела, и от них мы ориентируемся в идеях разнообразных та-

лантов. Предложенный сюжет даёт впечатление для человеческого ума, чтобы ум сей мог различать добро и зло внутри своего настроения так, как движется мыслительная способность, как она формирует качество слов.

Кто находится в бреду и нежелании, это слово покажется бредом нежелательным. Кто отыщет здесь любовь Иисусовой сладости, тому явится сладостная благодать и сомнёт горечи страхов и боли, познаёт сие только тот, кто сумеет вкушать таковые пробуждения, а чужому дыханию дело оное покажется странным. Кто слышит жёсткий навет, у того сердце обливается кровью сомнений. Главное – это то, чтобы пробудилось реальное чувство или чутьё достойной (и неизменной) благодати, на которой строится непростая мудрость данного слова, защищённого любовью Иисуса Христа. Постигнет правду только тот, кто способен размышлять!

У каждого человека есть своё личное мнение, (принято считать, что мнения проистекают от духов зла, а рассуждение уже даётся на божественном и духовном поиске), но ни у кого нет своих мыслей. Поэтому принять или отвергнуть слово – это уже зависит от строения чувственных навыков, которыми наделена человеческая душа, но на правах, не зависящих от собственного суждения, хотя борьба, несомненно, в уме засвидетельствует истину так, как она сама себя удостоит проявить.

Свобода слова – это смысл жизни на доле человеческой плоти, а всё остальное – есть избрание по истоку жажды на-

копления. А как она скапливает стремление – это уже чувствуй самостоятельно и обустраивайся в сём. Пусть нравится или нет, но суть заключена на сильном впечатлении своего достоинства, а есть ли оно внутри настроения – покажет этап заключительной мысли по последней странице. Не сомневайся, обязательно покажет! И не только покажет, но и родит более того! Теперь же ни к чему глаголать про сие. Узнаешь в своё время, которым облечётся твоя сущность!

Все мысли и слова находятся в Божественном Дуновении Святого Творчества, и когда человек получает своё собственное рождение в этом творческом проекте сил, то сразу же на него проистекает и персональный Промысел Божий. Мысли высеваются разнообразно, но проявляются – и мудро, и примитивно, горячо и холодно, сильно и слабо, от личного желания ничего не зависит, каким бы устремлением человек себя не выдвигал вперёд. Ему на этой земле ничего пока не принадлежит, кроме свидетельств на данное тело по слову Бога.

Гумисоль – главное действующее лицо предложенного слова. Он получил грязное тело, но эта грязь омывается поиском себя на даре гениального голоса, то есть именуется сие – талант или Божий дар. Божий дар у всех, но далеко не все способны его в себе засвидетельствовать правильно и осмысленно.

Гумисоль получил и тело, и душу, и чувства, и желания, и прочие принадлежности по миру земли, но он стремится

выявить свою святую причастность к Иисусу, Которому доверяет. Поиск истинной веры его заставляет страдать, потому что человек переплавляется в искушениях и так получает совершенство Бога или настоящее Его подобие.

На страдании человек всегда отрекается от святой любви, потому что её мудрость, мудрость самих страданий, не так-то легко познать, а, познав, и принять. Отрекается и Гумисолька, но отрекается он не от веры в Иисуса, а от того, что свет Его любви ласкает только богоподобных людей, так ему кажется. А многие же отрекаются от Бога на закате чувственного наследия и даже при благополучии земных (изобильных) даров, не пытаясь вовсе познавать, Чья Воля бьётся в их сердцах, Чья Мысль функционирует в дыхании!

Но, в конце концов, Гумисоль уразумевает, в чём правда Иисуса Христа, как обретается Его великая свобода и Его неиссякаемая любовь, и кто истинный мудрец и кому божественная красота открывается и даётся в наследие.

Страдания и мытарства не остаются без наградного утешения, ведь их труды были задействованы в исторический процесс мятущегося человека не просто так, ради забавы или болезненного утруждения. По духовному прозрению Гумисоль понимает, что его уродство – это лишь факт, на котором воспитывается любовь к Истине. И тогда он воскресает и получает тело, готовое к подвигам ради любви, той любви, которая всегда плескалась у берегов его плоти!

Можно прожить длинную или короткую жизнь, но так и

не познать Бога правильно, Каков Он на самом деле, какова Его могущественная воля и сила. Можно молиться устами, можно творить достойные дела добра, которые даже и не есть само добро, но так и никогда, никогда не приблизиться к Иисусовой правде Слова

Какие бы чувства не всплыли во время чтения данного сюжета, пусть только одно проявится на задворках ума – это сильное, мощное впечатление, пробуждающее любовь. А кто определил меру языка?! Кто возложил на Живое Слово какие-то обязательные (стандартные) условия? Или Бог реализует Своё многообразие одинаковыми способностями?! Бог предстоит вне всего! Следовательно, и слова Его раскинуты повсюду на разнообразии и изобилии, и писать слово можно так, как оно выплёскивается из души, хотя бы кому-то это и не совсем нравилось.

Слово себя позволяет развивать не в узком пространстве текущих мыслей, а на полной непредсказуемости, в которой и проявляется личность, пусть даже и такими странными и непривычными впечатлениями. Во всех номинациях движет Единый Бог!

Суть заложена на то, чтобы человек, стремящийся внять образующемуся слову, хотя бы чуть-чуть испил боль Гумисолькиной жажды и пожалел страдание маленького гения. Понял бы, *как* тяжело жить в мире с теми людьми, которые презирают твоё незаслуженное убожество, и только одними внешними признаками на вздохах – *ох* и *ах* проявляют свою

унизительную, подлую и лицемерную жалость, не ведая во-
все, *какая* драма напитывает ум *такой* нежеланной плоти.

Тебе, который живёт на достатке своего тела, не признать покровительство страхов *иного* достатка, когда душа просто горбится на мрачном произволении... Гнётся... Изламывается... А жить надо... И прожить не день и не два, а многие лёта... Попробуй-ка, осиль такую жизнь! Не хочешь?! А они тоже! тоже не хотят, но живут, живут посреди нас и стремятся к достойной благодати, к чувственному покою, к настоящей любви, но ничего не могут получить, потому что мы уже всё захватили в свои руки. Наши руки в крови... Как отмыть? Любовью сердечной и истинной!

Любовь Иисуса Христа не лицемерна в том случае, когда она даёт право нести тяготы друг друга, а не разглагольствовать о них по фарисейскому слову. Любить легко, если есть должная взаимность и единомыслие. А если их нет?

Тогда любовь уже трудна и горька, и свет не в силах разбить мрак душевного мучения. Всегда необходима дружба и помощь, взаимопонимание. А кто, кто может подарить это сокровище, кроме Иисуса? Никто. Из нас – никто! Увы, но факт!

Вот и ищет Гумисолька себя в этом пагубном, адовом мире, ищет повсюду, спотыкается, падает, встаёт из руин, встречает свою мудрость, что так явно предстала пред ним. Мытарства позади, а впереди – новая жизнь... Что принесёт она? Покой или... О, мир, как ты жесток! Но ведь человек,

человек сделал тебя таким...

Пожалуйста, люди, если вы считаете себя покровителями и королями судьбы! Не извращайте ценности добра! Не искажайте волю божества! Не стирайте с себя святость! Помогите любви, и она осияет вас светом Иисуса! А Он соединит нас всех на полноте единства! Это и будет рай на земле! А к иному и не будем устремляться!

Посвящается любви и уродству, где любовь и именуется светом Христовым, а уродство – убогой душой, но именно два завета и стянуты единством сего начала – душа и тело, позволяющие слиться духом прозрения в Боге, но со всем человеческим родом безраздельно.

Рождество

Он родился первым.

Свет, возложивший на него бремя тяжких усилий этого злого и пагубного мира, облёк его крошечное тельце явным уродством, которое тяготело над ним длину многочисленных дней и ночей. Но называлось это единым словом – жизнь, хотя само назначение жизни измерялось долготой утомительных лет, лет, которые предстояло прочувствовать собой на всех периодах роста в теле, знаменующем волю рая, а напитанных болью ада.

Даже само чувственное рождение было сопряжено с мрачным утром, которое вспыхнуло грозовым привольем проливного дождя на взбесившемся ветре, что разветвлял путь чёрных туч, гнездившихся на сероземном небе, но на небе,

принадлежавшем всему человечеству.

Мать, носившая плод в утробе, где созрел ум существа новой плоти, была примята и раздавлена покровом грязи и воды. Не имевшая достоинства и прозрения на потоке насилия и ужаса, среди огромного мира, где царил бездарный хаос, разврат и помрачение нравов, она трепетала от болезни и унижения в полном одиночестве, на диком ужасе женского отчаяния.

Она одна, совсем одна. Нет никого рядом. Нет помощи заботливого и доброго мужа, даже подруги любящей и искренней не нашлось, или хотя бы понимания со стороны тех, кто истоптал святое произволение чувства, именуемое – любовь.

Разве любовь такова?

Разве она приносит печаль? Смотря, с кем любовь ласкалась. Если с чистотой, то она – велика на свойстве смысла, а если иначе, то она сопричтена к разврату и позору и уже не может носить титул святого восторга.

Потеря невинности стяжается памятью утробы матери, и она эту память утробного свойства облекает чувственную плоть растущего тельца на период дальнейшей тяготы, которая и будет складывать пороки и ужасы.

Женщина, ныне облёкшаяся волею испитого унижения на сладострастии тленной плоти, прежде тоже была воспитана матерью блудницею. Наследственность блудного насилия уже внесена на долю женственного изнеможения однажды, то есть один раз.

Эта мера привнесена из рая на землю первыми людьми, когда Адам и Ева, вкусив запретный плод, познали друг друга иначе, чем теперь познаётся Бог из условий земного века. Они же познали себя из телесных впечатлений, окунулись в кровавые лжевосторги и оставили эти убогие мгновения целому поколению, потому-то никому и не удаётся избежать сетей обмана в любви.

Человек постепенно утеривает ценность и, следовательно, становится всё менее и менее мудрым, но более и более развратным и грубым, а отсюда и само тело меняет форму пробуждения, и только по смерти тела приходит способность, которая уже правильно открывает нам нашего Творца.

Но никто и не виноват в опеке своего странного совокупления друг в друге или плоть с плотью. Ведь такая основа заложена в естество человеческое не зря, не просто ради забавы, ради мучений или ради смерти, хотя, исходя из жизненных моментов, можно с лёгкостью заверить, что Бог услаждается болью человека!

Откуда же сошла нежеланная болезнь? Как ни странно. Но с благодетельствованного неба. И на узаконенных (упрочнённых) началах. Избежать нельзя, невозможно, а прожить предложено всем (от первого до последнего), исключений не существует! Посмотри на себя и определишь сие весьма откровенно...

Теперь другая женщина и с другими ценностями своего подобия в отношении божественной Евы, в коей и пред-

начертана мера всему поколению, лежала посреди мрачного убожества пустынно-грязной улицы и слушала навет зла, распростёртого пред ней так явственно и убедительно. Но жена без мужа – это всё равно, что земля без неба. Совокупность даёт возлюбленное плодородие. Мужчины служат прихотям тела более организовано, и потому их бремя насилуется от тьмы иначе, нежели у женщины.

Все друг с другом, но не все одинаково мыслят, а похоть реализует себя однотипно. Пришла и стянула узлы членов до боли и сумасшествия на безумных идеях кровавых притоков а, стянув, и осквернила мысли, и человек испил унижение, хотя кому-то это покажется блаженством, а это потому, что он никогда не зрел подлинное блаженство, которое приносит восторг неземной!

Она в свои семнадцать лет смотрела на мир в розовом чувстве, когда жизнь – это рай. Рай в любви присутствует, несомненно, но на земле любовь соприкасается ада обязательно, в этом историческая сущность дыхания вечности. Рай – откровение света. Ад – вместилище мрака.

А на единении – человек с человеком (мужчина, женщина) и купаются оба во свете, во тьме. Найти что-то единое для себя – нельзя, просто невозможно. Поэтому приходится жить в обоюдной символикe, а отсюда и господство страсти, и речевая лирика образов, и болезненности, и прочие неустройства.

Страсть возникает из союза, но не сливается ни со светом,

ни с тьмой. Страсть расходуется самостоятельно на приливах и отливах крови, которая и есть – главный источник чувств. При избытке чувства кипятятся кровью, и человек не в силах совладеть с тем, что творится внутри тела.

Осуждать телесное жжение (немеркнущая жажда плотского недомогания) – ума много не надо. А вот выяснить его смысл – это уже мудрость, предоставленная веком нынешним. А знания и вовсе не каждому по зубам.

Вот и текут, льются, скачут мгновения как-то пресно и весьма болезненно, убого и мученически, а ответа нет и нет, хотя всякая (полезная и потребная) правда спрятана внутри человеческой души. А попробуй, отыщи её!

Рвалась воля испёкшихся чувств. Женское достоинство сломлено на пути, что предстал так горько и страшно, и теперь оно не выискивает себе равенство, не выискивает любовь, которая вечна, умереть – неспособна, или смыться дождём зла.

Он говорил ей слова, лаская так откровенно, что девичья красá и гордость парила вне всяких впечатлений. Нет, сами впечатления не стирались на данном этапе любовной и лиричной опеке, но она, эта опека, лобзала её душу как-то слишком горячо и взволнованно. Поверила слову, поверила жесту, поверила взгляду и упала в объятия не грубого человека, именуемого мужчиной, а в объятия человека, которому доверилась безгранично!

А зачем поверила-то? Зачем доверилась?

Пусть, пусть шептал о любви...

Но разве мужчина достоин правды на теле, коим испивает сладострастие? Нет, его тело – это игра, игра в любовь и в слова. Он думает иначе, поступает иначе и реализует своё право не чувством души, а желанием прихоти.

Сперва глаголет словечки попроще, чтобы сломать женский ум, потом скудость незаметно испаряется и на смену является избыточное красноречие, яркая вольность и безудержный огонь! Осиль-ка устоять, не упав!

Кто осилит? Кто выдюжит?

Этот не щадящий огонь обжигает волю ума, воспитанную нежностью и женщина или девочка, у которой опалён мозг таким *благостным* наречием, уже не совладевает с тем, что в ней живёт. Тогда наступает не перелом, а болезненный приступ, рождается страх...

– Я люблю... люблю... – Шепчет он, – ты единственная, не такая, как все... моя... моя... А я твой... И между нами любовь. Нет ей конца и не будет во век... Мы родились друг для друга, ты моя, я твой... Кто нас вырвет из райских чертогов?

Разве этот фарс назовёшь мудростью?

Нет.

Но липнет, липнет и сминается плоть на плоти...

О, тупеет воля нервов...

Поэтому и сжигает рабская зависимость слова, сжигает в миг. Так горячо и утомительно, но приятно... Голова в тумане, сознание стирается нежностью, тело плавает на горячем

дыхании, с которого брызжет лава чувств, а мудрость тает и скрывается в глубину, нет ей места на таком накале крови. Тьма насилует волю свободного дыхания, жжёт, жжёт разум, не выкарабкаться из его сетей... Истома душит... Рвётся грудь от желания, а тело на безумном порыве...

–А-а-а...

Любить умом или звуковой принадлежностью для женщины – есть не борьба, а поражение. Такая победа мужчине по вкусу! Он мнит себя истинным героем, но героем, который проходит через ужас женского унижения. Это уже не достоинство мужской чести, а позор!

О, сколько слов произнесено устами мужей?! И все они истекают из тела похотливого и трясущегося! Разве такое со-
владение чувств можно отнести к намёку на любовь? Нельзя. Почему? Именно слова губят искусство любви настоящей и нелицемерной! Подлинность её усматривается в Божестве и Святости, ибо эти величины никогда не врут, их блаженство поистине всегда, всегда приносит покой и желанное умиротворение.

О! уловить бы момент! Улови, попытайся!

Бог любит в Святом Молчании, такая любовь не губит, не умирает, не испаряется по утру, а напротив воскресает, позволяет рассуждать правильно и мудро. Именно Любовь Бога и сотворила весь мир, то, что над ним и то, что под ним!

Но отчего тогда Он извратил сущность Своей Любви? Не смущайся, человек! Вникни лучше в себя. Если бы Бог не

разлил в человеке кровавое жжение плоти, тогда человек никогда, никогда не познал бы принадлежность святой любви, любви, которая бессмертна, которая в истине радуется и наслаждается!

Человек изначально сотворён таким, чтобы засвидетельствовать своё истинное достоинство на творчестве всегдашнего преуспевания и успеха, хотя и с трудностями на различных болезненных вздохах. Если сотворить человека иначе, на другой образности, он будет уподоблен совершенно иному творчеству, и естественно потеряет принадлежность к человечеству.

Ангелы сотворены Ангелами и у них свои впечатления и мудрости, а человек сотворён человеком и потому он всегда – Адам и Ева. Это и есть человеческая условность, внесённая на тело и душу. Бог творит так, как того требует творческое вдохновение. И на таком проекте все и ищут личное торжество от человеческих усилий, возможностей и желаний, пусть даже и Бог ведёт их на Свою вершину явного богоподобия такими трудными путями кратких лет!

Богopodobие стяжается умением жить в терпеливом молчании, в непрестанном размышлении и исследовании, поэтому святые и говорили: *молчание – золото, а слово – серебро*. Молчит Бог, а человек в слове ищет добротный смысл.

Любовь – это полнота всякого впечатления, и потому она заключена в едином Боге. Человек раздвоен и он совладелец полноты, он может себя внести в этот проект таинственно.

Два – муж и жена – получают неоценимую способность составить единое, то есть полноту любви! И сеются их усилия постоянно на разных вариациях.

Пока идёт воспитательный процесс с земным фактом познавательных слов, любовь всегда будет провоцироваться телом на поступки странно и невнятно. Руки гладят, глаза обволакивают, сознание теряет существенную ориентацию. Звуки речи пьянят голову влюблённой девушки, которая теряет свою независимость.

–Любимая...

О, разве мужчина способен произнести своим дыханием это магическое слово, чтобы женщина осталась равнодушной или какой-то истеричной?! Нет, не остаётся равнодушной она, которая выискивает земное счастье посреди обмана и разврата, в этом грязном и роковом моменте судьбы, но судьбы, принадлежавшей ей по праву.

И её красивое, молодое тело теперь тоже принадлежит ему полностью, неминуемая страсть срывает условности вместе с одеждой. Пламя загорается всё сильнее и сильнее, всё ярче и ярче, словно ждёт впереди великолепие чуда. И неужели это чудо достойно сожаления? Что потом?

А потом оупение... Огонь погас. Страсть не умерла. Изломана воля часов, и ожидание исковеркано, а суть осквернена. Душа на потоке ада, и этот чёртов ад коверкает сознание, заставляя кровь безумствовать в отчаянии.

–Ты клялся мне в любви... Говорил, что я единственная,

я твоя, только твоя... – Напоминает она в испуге. – Что произошло? Что случилось? – О! как хочется ей познать истину и остаться с любимым, но он-то совершенно равнодушен к страданиям и стонам. Добился, *чего* жаждал, и теперь она ему не нужна!

Ну и что?! Да, клялся! Клятва осталась при устах.

–Я по-прежнему люблю тебя и принадлежу только твоему, твоему желанию, милый и дорогой... А ты, ты ещё любишь меня? – Она искала опору, а наткнулась на препятствие и, причём на непреодолимое препятствие.

–Ты мне больше не интересна. Я познал тебя, весь твой исток, всю твою жажду... – Ответ страшен, ужасен, безжалостен. Он хуже смерти. Лучше бы убил и один раз отлучиться, а так... Как же жить дальше? Где выискивать долю равенства?

–Почему? – Отчаяние слетает с губ, которые измяты в поцелуях.

–Уйди... – Раздражение явное, оно летает в воздухе, как топор палача, забирая всё лучшее, оставляя худшее. – Ты ещё найдёшь своего парня... Ты красива, у тебя большое будущее... Ты со своими достоинствами отыщешь своё счастье... – Говорит, словно смеётся над ней.

–Не бросай меня...

Позор оmyвается горькой слезой!

Он смущён, но не раздавлен. Не знает, как отвязаться, лишь бы ушла, оставила его. – Ты молода... Найдёшь своё

счастье... За дверями этого дома тебя встретит не один прохожий... Твоя любовь покоится в их желаниях, только позво-
ви...

–Но мне никто не нужен! Я тебя люблю...

–Прости...

–Разве ты не видишь мою боль?!

Но он уходит поспешно, уходит навсегда...

Ищет познания смущённая душа, душа, испёкшаяся в
холодном разврате горячего дыхания ночи. Таких ночей
немного, они покрыты грязью отвратительных впечатлений.
Судьба коверкает смысл, стирает его грани отчётливо.

–Постой...

Силится затянуть мгновение. Не хочется расставаться...
Но неизбежность очень жестока и трагична. Она испивает
оцет и желчь, а впереди... Впереди её ждёт болезнь, страхи,
новые унижения и новые бесчестия.

–Не реви. Твои слёзы запоздалые. – Говорит он ей резким
голосом и равнодушным к её страданию. Она уже использо-
вана им, и она ему не нужна. Коварен, напыщен, ядовит. –
Ты мне не интересна... Я определил тебя... Сама виновата...

Да, она виновата, виновата, что поверила ему, что посчи-
тала его за счастье, которого так ждала и к которому так
устремилась... А есть ли ещё какая вина этого юного созда-
ния? Есть, несомненно есть... И какая же? Пусть тебе отве-
тит совесть.

–Не покидай меня...

Мольбы бессильны.

–Прощай...

Она остаётся одна во тьме и боли, которую одной не пережить, не осилить и не выдюжить Кто посеял плевелы зла? Они сошли тоже с неба. О, небо, разлей благо на человека, лишённого чести! Честь ускакала, и нет её. Небо молчит. Ликует земля в разврате. Молчи, человек, и сей, сей неизменную славу! Если не в силах молчать, тогда рыдай и стремись на вершину Молчаливого Бога, хотя бы и в рутине грехов увяз, но не умер ещё.

Дышит женщина. И само дыхание как-то неровно ожигается страстью позора, с которым приходит непрощеная боль и стыд. Глядит в высь надломлено. Ждёт чего-то. Память воскуряет испитую отраву. Больно. Тяжко. Одиноко. Но ничего уже не возратить.

–Любимый...

Нет его. Куда-то вдруг подевался, словно и не появлялся в этой её судьбе человек, на которого можно опереться или довериться хотя бы в трудную минуту. Ушёл и смылся запах желания! И бросил погибать. И погибла.

Душа занемела от горя, а тело было продано тем, кому нужна не честь, а позор. И ныне её душа будет томиться в воле адского кипения зла, она будет рваться и задыхаться от грязи и вони наглых и вспотевших рук, омерзительных и знойных глаз, которые так и лазят по её телу и от вонючего дыхания, что так скверно стекает внутрь...

—Иди, иди к нам. — звали чужие и беззубые рты и лапали так противно, что хотелось испариться, но всё повторялось в каждый день. Нет рассвета, нет покоя... Только ужасная и отвратительная воля страха и зла... — К нам, к нам, сюда, сюда...

—Смилуйтесь... Пощадите...

Крик разбивает волю земных часов без всякой надежды. А есть ли она, безлика и утомительная надежда там, где живёт могучее солнце и светит для кого-то? Есть. Но этот рассвет двигается для того, кто увидит его благодать и торжество в своём тоскующем сердце, которое открыто для любви святой и молчаливой.

Что ж! Пусть, пусть и в осквернённой душе зажжётся пламя этого святого молчания, и огонь сотрёт все грани блудных извращений, и родится человек от святого молчания, и засияет свет посреди мрака и безобразия, посреди разврата и похоти, засияет ярко и таинственно.

Аминь.

Молитва воспела! А раз воспела, то обязательно родится человек! Только пусть он не напитается материнским ядом осквернившегося тела. О, пусть, пусть он не пьёт этой страсти! А если яд уже глубоко? Если он в крови?

Любовь, любовь, как ты терзаешь, испытываешь, утруждаешь и изматываешь путников земли, заставляя страдать и скорбеть на таких началах?! Как они беззащитны порой, сломлены, умерщвлены. Одно сожаление и ужас.

Но это зря или не зря? Не зря.

Награды – для каждого, без исключения (и сословия), а вот найти их способен далеко не всякий... А так хочется не просто найти, а и прожить с ними рай вечного счастья... Где ты рай? Где покоишься на благословенном величии?

А она, она, упавшая в грязь на боли ужаса, она найдёт или нет?

Ответ не может запоздать?

–Го-осподи-и, помо-оги-и...

Почти коснулась заветного...почти... Услышан человек.

Но услышит ли Бог?

Нужда толкнула в ров смерти, но толкнула и умертвила...

А когда человек на пике голода, он готов сожрать не только корову, но и своё собственное достоинство! Голод ведёт на самые непримиримые уловки с совестью и оправдывает себя на любых условиях, чтобы погасить невольную страсть.

Осудить легко, а помочь, разве помочь трудно? Тогда и не судите свободу и рабство. Пусть всё останется на правде Бога, ибо Он Единый Господин в нашей жизни. Но отчего слышен вой, и гнётся воля земных часов? Судьба покривилась, нет уже ничего светлого и радужного. Можно ли отыскать приветливое торжество, можно ли ещё выйти на берег спокойствия?

Одна...

Да, всегда одна – и тогда, и сегодня. Но теперь внутри уже бьётся новая плоть. Дыхание согревает очень осторож-

но. Может быть, Свет Христа облагодетельствует её покой, к которому она так стремилась, к которому рвалась?!

Может быть.

В животе росла душа сына, росла... И ласкалась измученная мать таинственно и странно, не понимая достоинство, жившее в утробе, но зато она знала, что скоро, очень скоро наступит радость и тогда сгинет надоедливая печаль.

Дивная и богоподобная музыка истекала из живота постоянно, но на звуках при болезненных вздохах, точно ребёнок чувствовал материнское страдание и уже жалел её и любил беззаветно своим чутьём детского впечатления.

Мать касалась живота и слушала, как дышит человек! Это было чудом непознанным, но реальным, объяснить такое состояние, нет, невозможно! Чувства омывались кровью, кровь не кипела от шального безумия, она утихомиривалась осторожно, и лилась песенная правда каким-то незнакомым движением так упоительно, что затмевалась любая боль! Страдание исчезало, и надежда взлетала к престолу немеркнувшей славы! А слава ведь не могла, не могла уничтожить добро, но уничтожала почему-то.

—Сынок мой дорогой, желанный и родной! — Воскликнула мать в радостном миге струящейся благодати. — Мы преодолеем с тобой любые потери! Я всю любовь подарю тебе одному! И ты, ты никогда не будешь страдать, как я...

И сын отзывался мгновенно, молниеносно! Песенное журчание двигало впечатления внутри истомившейся плоти.

Страх отступал. И такое упоение вырывалось из души, что жизнь больше не тяготела над женщиной!

Время бурлило, оно не могло остановиться, оно реализовало свою историю, завершая и итог судьбоносного долга. Пришла, сошла с руин безволия и хаоса пора возмездия! Начались схватки... Сын рвался на свободу материнского отчаяния.

–О! помогите... – Вопль потонул на потоке вихря.

Небо было грозное. Мрак сгущавшихся туч покрывал весь прежний смысл, словно и не было ничего прекрасного никогда, лишь одна безликая жажда утомлённого дыхания будоражит кровь внутри. Бог сердит и сегодня Он не молчит! Он сотрясает миг!

–Спасите моего сына... Спа-а-си-ите-е... – Отчаяние тонет во мраке, а мрак бесконечный и рыдает, стонет его злая волюшка. Бездна, раскрывшаяся так откровенно и безжалостно, покрывает чело женщины подлинным ужасом. – А-а-а...

Падает...

Никого рядом нет...

–Люди...

И людей тоже нет...

Им наплевать на тебя, мать, им наплевать на твои отчаяния, стоны, вопли, страдания, на твои ужасы и страхи и на твои нынешние болезни, ведь они сегодня ждут своих радостей, а тоже, тоже получают иные возможности. Не напьются

благих успехов...

Сын должен был родиться в эту роковую для него минуту, когда свод обезумевшего неба почти упал на грешную землю, пытаясь размыть её зловоние, кровь и смердящий разврат своим гневом возмездия, гневом, направленным на грехи человека.

Дождь бил злобно, неистово и невероятно яростно, разрывая всю одухотворённость горького и болезненного чутья одинокой и беззащитной женщины, которая рожала своё дитя, плод нелюбви, одичалости, опустошения. Отвергнутая и отринутая всем миром, она, пытаясь отыскать себе пропитание, тепло, уют, вошла на ложе ничтожного сладострастия каких-то свирепых и злобных человечешек, которые обезобразили её женскую сущность и осквернили её образ материнства, святость невинности, ввергнув в страдание и болезнь весь смысл желания жить в любви и чистоте.

И теперь, когда ей необходима их явная помощь и истинное внимание, их неличемерная любовь и забота, они, хозяйева её тела, прежде такого юного и красивого, теперь, теперь, когда она умоляла дать ей пристанище, приют, выбросили её на улицу, как какую-то ненужную вещь.

Поиграли и кинули одну, совсем одну... О! как омерзительно улыбались их мерзкие рты, как по-звериному горели глаза, когда они закрывали перед ней свои двери. Осквернялась душа, застывшая на потоке слёз, отчаяния и страха.

Едва-едва стал заметен ненавистный живот, все сразу же

и отвернулись от неё, от такой вымученной и обездоленной. Они пинали женщину ногами, выливали на голову помои, унижали незаслуженно, тем самым, выявляя своё подлинное ничтожество, коим и были напитаны, кричали пронзительно, страшно:

–Пошла, пошла вон, грязная потаскушка...

–Гоните, гоните её...

Но ведь прежде, прежде ее любили! ею восхищались! её желали! звали! А сегодня, на трудном, не щадящем моменте, она никому не нужна, и жизнь на этом не закончилась. Жизнь лилась размеренно, не останавливалась и не затихала, потребность в еде, питии, жилье была реальной, а внутри, внутри униженной и оскорблённой – плод, плод, покоящийся на лаврах похотливых извращений и злобы. И он чувствовал материнские муки!

–Помогите мне... – Просила измученная и обездоленная.

–Прочь, прочь... – Таковы ответы на просьбы и мольбы.

–Вон отсюда...

–Ты нам больше не нужна...

–Не нужна...

А прежде ведь была нужна, нужна, нужна!

Кто?

Кто же поставил её на путь, который изменил образ невинности, образ материнства, образ жены?! Кто, кто толкнул её, такую юную и чистую, на ступень, ведущую в разврат?! Тьма великой бездны возлила в неё силу порока, а предписанное

зло опутало весь строй чувств смятением, чувств, гнездившихся в душе, облачённой в тело.

Да, ей хотелось ощутить себя нужной, единственной и любимой, но отчего-то это уже всё раздали другим, а осталась лишь прихоть чужая и безлика, что овладела и покорила саму историю жития, и где же ныне отыскать счастье, которое для всех существенно, но которое даётся избранным?!

И тогда она, загнанная в тупик явного безумия и окончательного помрачения, шагнула в объятия человека, который осквернил не одну чистоту девства, но и саму чистоту мысли! Уничтожил её светлую мечту! и оставил на растерзание целому миру, где она испеклась в грязи и лицемерии.

Оставил опять одну!

Одну...

А расплачивался за всё сын, образованный утробой матери, воспитанный страстью и ненавистью, смрадом удушливого зловония и рекою страданий плача и стога, всем тем, чем она сама прежде засвидетельствовала своё положение в таком жестоком обществе, именуемым себя великим и разумным народом. О, народ измен?! Народ, достойный участи рабов, а стремящихся к свободе богов?! Нет, никогда такие умы не наследуют величие покоя и любви!

На пажитях святого раздолья осмысленной веры жена всё-таки возлагала упование на Того, Кто позволил ей обрести благодать чрева, где и загорелся огонь новой жизни, огонь, прожигавший скверну тела и подающий надежду на воздви-

жение великих наград и чувств.

Но вера, будучи всегда, тоже обманула женщину, когда поп, именуемый пастырем человеческих душ, выгнал блудницу с паперти священного храма! А не утерял ли тот храм своё священное благо, когда отверженная человеком, но не Богом, содрогнулась на ужасе возникшего отвращения от испытанного зла, в которое влилась сущность души?!

–Поди, поди прочь... Это святая обитель, а ты оскверняешь наше достоинство... Уйди, блудница, и поищи себе место иное, какое заслуживаешь... – Изрёк пастырь и старался прикрыть тяжёлую дверь перед ней. – А разве достоинство таково? Разве его сущность измеряется отвержением?! Эх, человек соблазна! Ты всегда, всегда на пороге своего невежества предстоишь, и будешь предстоять, пока твоё сердце не согреется любовью к Иисусу.

–Помогите мне... Некуда идти, у меня никого нет... – Попросила она ещё раз и протянула руки к попу, у которого искала приют. – Кроме вас никого нет... Разве у вас не найдётся для меня немного сострадания и милосердия?

Но тот лишь с явным отвращением отстранился, шамкнул золотыми зубами как-то слишком поспешно, словно ему было стыдно её, словно он боялся каких-то обличений. – Иди, иди, женщина, здесь тебе не надо стоять... Это святая обитель. – И скрылся за стенами, где главенствовал Иисус...

Ад...

Ад восстал посреди руин бытия...

Восстал...

Иисус...

О, ужели и Он, Он тоже отвернулся от блудницы?! Нет, Он не отвернулся, ведь когда-то такая же блудница была Им обласкана и помилована. Тогда Иисус подарил ей вечность и рай... А что же случилось сегодня?! Или Он отверг мать нынешнего мира? Вникай, вникай же в идею на своём чутье, и пусть оно тебя несёт к Нему за ответом! Только не опоздай, не опоздай!

И в тот самый момент, когда плод истекал из тела вместе с кровью и водою, само небо потряслось от смятения. Миг, сопричастный чему-то тайному, вдруг затмился и замер в одночасье, затихла природа, спрятался звук и на свет произволением Промысла, вырвался человек, огласивший округу звонким криком чудесной песни. Песнь была благом целого мира! Это была неземная песнь слов, это была песнь чувств!

Мать слушала голос своего новорождённого сына! Она не сомневалась, что это сын, её гордость, её смысл, её победа! С ним теперь преодолет все невзгоды, все трудности, и униженная она возвысится над людьми благодатью рождённого ею малыша!

Голос младенца лился повсюду, как истинное, великолепное чудо! И тёплый покой воцарился в душе обозлённой и измученной женщины. Она устало вздохнула, взглянула в чёрное Лицо безмолвного неба, пытаясь отыскать там святость, которая подарила ей облегчение и надежду, стёрла бы

грехи и печаль, но она не нашла того, чего так желала утомлённая мысль.

—Я спасена! Я победила... Я уже не одна... Нас двое, я и мой сын, мой сын... И теперь я поднимусь из хаоса и страданий! Мы вместе с ним шагнём в радость, в любовь. — Воскликнула женщина. И успокоилась. Её дух искал свет. — Я не одна... Уже не одна...

Там, где возвышался покров Великого Сущего Бога, жена не узрела ничего, лишь чёрное молчание облобызало чело родившей сына, и страшный раскат грома поглотил песнь младенчика, который с нетерпением ожидал материнских рук, тепла её дыхания, едва не захлебнувшись от холодного и безжалостного дождя.

Мать очнулась от забытья, всколыхнула поступь омертвевших членов, вздохнула полной грудью воздух ледяного утра и приподнялась из грязи, посмотрев на своё дитя. Едва взгляд коснулся сына, почти окоченевшего и уснувшего от холода, мать вздрогнула, тело сотрясло жгучей болью и новым приступом страха!

И опять ад раскрыл перед ней новые врата своего неоспоримого и гнетущего господства. Так не хотелось входить в них! Все, все прежние мечты рухнули на моменте истины, что предстала перед ней так явно и убедительно!

Вскричала:

—Кто ты?!

Глядя на него, она впоследствии постоянно испытывала

унижение и стыд. Память всегда пробуждала итог её злобных грехов осквернённого тела! И смыть этот нечеловеческий, болезненный приступ позора могла только такая же и мучительная смерть, ведь расплачиваться за вольность чувств будет малыш всей своей жизнью, которая станет для него не наградой, а наказанием!

Дитя было иным, чем само ожидание! Его несовершенное тельце изуродовано и размято, но тихонько, несмело он принимал собой эту грязную жизнь на лаврах безобразия и страдания, что уготовила ему слабость, подающая определение греху.

– Кто ты, дитя страданий? – Снова воскликнула опечаленная мать, обретшая в миг титул материнства; дикая, тупая боль пронзила не одно тело, кровь замирала на ужасе нового унижения и скорби, которые есть плоды разврата и похоти. – Кто предстал во мне таким ужасным откровением?!

«*Я твой сын!*» – Отозвалась плоть от плоти.

– Мой сын?! – Повторила она тихо и обречённо.

И в этот самый трагический миг младенец открыл свои маленькие глазки! И прозрел этот жестокий и злобный миг своего рождения! Он имел полное право получить образ малыша, и он имел право не на сострадание, а на любовь, на любовь, которая творит не одно милосердие, а вечное блаженство.

О! сколько в этих глазёнках рассвета, любви лучилось к той, что лежала перед ним! Они теперь связаны единством,

неразрывностью, но понимает ли это мать, желавшая изменить ситуацию, стремившаяся отыскать благо среди злобных наветов?!

Свет невольно коснулся души и дух женщины, сокрытый в утомлённом сердце, загорелся нежностью сокровенного чувства. Излилась непонятная, но благодатная сладость, сладость, нисшедшая от сыночка, неизвестным образом попавшая страсть отчаяния.

– *Ты не бросишь меня умирать?* – Вопросило белое личико, ангельские глазки засеребрились драгоценной слезою, которая будет теперь пробуждать день и ночь своим постоянством господствующего страха, который снизошёл, как тать. – *Не бросишь умирать здесь одного?*

Дух матери дрогнул, она тихо отозвалась, но уверенно:

– Нет, сынок, не брошу!

– *Как назовёшь меня?*

– Гумисóль...

И личико детского впечатления вспыхнуло потаённой радостью. Посиневшие губки сотворили улыбку, глазёнки закрылись, а маленькие пальчики искали с трепетом мать, чтобы она защитила его от пагубного мира. Ему хотелось спрятаться на её груди и прижаться головкою на чувственном покое, но у него не могло быть столько сил, он лишь ждал, когда она сама с нежностью приласкает его собственными усилиями.

– Мой сын... – Прошептала исступлённо и потерянно. А

разве нет? Разве он виноват в том, что родился таким?! Все впечатления смывались дождём, и ничего больше не пробуждалось на смысле. Кровь вместе с болью текла по чужой земле. А там, неизвестно где, там пряталась мудрость и рыдала вместе с матерью. Стыд прижал естество так основательно, что сил не было для борьбы. Теперь только смерть могла спасти их от нового унижения. Но жизнь пульсировала ровно и вовсе не собиралась уходить. – Господи... – Слово замерло. Оно уже не согревало на моменте безысходности. Всё случившееся не имело абсолютно никакой ценности для той, которая истаивала на завете тягучего мрака, что раскрылся каким-то страшным убеждением перед женщиной и матерью. Только тупая и обезличенная воля рабской зависимости скакала принуждённо и отвратительно, скакала и хватала за плечи, за ноги, за мозги. Сил нет. Ничего нет, кроме ужаса и отчаяния. И сжимают со всех сторон, расползаясь по всем внутренностям незаметно, но ощутимо и весьма противно. – Как мне жить теперь?

Жизнь не ответила, она лишь ещё крепче сжала виски и сердце женщины, сжала страстью. Болезненное дыхание проходящей ночи утомляло, изнуряло, и хотелось раствориться посреди бытия и не чувствовать ни единое мгновение.

Иисус тоже не говорил. Его великая сила и благодать разливались для новорождённого малыша. Отныне и Его святая любовь будет принадлежать гению, которому придётся

страдать и терпеть позор матери, носить на себе её грехи и её стыд.

Женщина подняла дрожавшими руками своего первенца и крепко прижала на груди с возгласом, потревожившим, однако, и дух тленной земли. – Господи! Ты дал моему сыну возможность увидеть свет, так дай ему чистоту и силу, крепость и любовь, всё то, чего не было у меня, и чтобы он никогда не познал исток страдания, грязи и позорного унижения, как я! Дай мне средства воспитать его или дай умереть сейчас вместе с ним здесь, но не позволяй испытать новых мучений. – Она молилась в горячем приступе своего вскипающего разума. Он кипел от болезни, омывался кровью так истошно, что вся поступь души тряслась от свершившегося факта. Казалось, вот-вот человек сойдёт с ума, лишится того, чем стянута жажда дыхания, но нет, напротив, чувственная ориентация проявлялась весьма ярко, и событие не менялось, оно отравляло мысли. – Господи, я сотворила очень много ошибок в жизни, но я искала любовь, любовь... Не сумела найти... Зато пришёл обман, пришёл и погубил мою волю, мою душу и мою благодать... Я виновата перед Тобой, виновата... Но зачем, зачем страдает мой сын? Мне тяжело... Помоги Гумисолю, если Ты в силах помочь...

Молитва матери потрясла холодный воздух, и Небо вдруг сжалилось над ними. Солнечный луч восходящего солнца прорвался сквозь гущу мрака той самой бездны, что раздавала миру грехи, их определения. И благодать, сущая вне все-

го, пролилась на женщину с малышом явственно и трезво.

Мать услышала Голос. Он был мощным, чувственным, укрепляющим момент и подающий не одну надежду. – Пока твоя материнская любовь покоится на челе твоего первенца, твоего сына, скорбь не коснётся ни его, ни тебя!

Неужели кто-то услышал её истошный вопль?! Услышал и отозвался?! И теперь, теперь у неё будет всевозможная благодать и смысл?! Посмотрела направо и налево – никого! И тогда она вдруг поняла, Кто благословил её и её сына!

–Аминь! – Шепнули уста.

И вновь, вновь пробудились слова на торжественном утре, которое уносило печаль с собой. – Помни завет! Я с вами! – Голос был везде! Голос был в ней! Голос был ниоткуда! Но он сладил любовь из святого молчания! Сладил и давал надежду.

Дрогнувшая рука неумело сотворила крестное знамение на челе уснувшего сына. Так они обручились с Ним, в Ком почивала вечность, которая притягивает к себе свои творения. И никогда не оставляет тех, кому необходима помощь.

–Господи...

Минуты побежали на восток с тихой радостью и с трепетом. Жена затихла, надеясь выявить и узаконить своё желание. Думала о чём-то таинственном, страсть вдохновенная пролилась на неё вместе с любовью, а душа уже не тряслась от страха.

Неожиданно послышался топот лошадей. Она мгновенно

вздрыгнула и оживилась. От озноба и внезапности таковой помутился рассудок, горячие и благостные мысли были на потоке ожившей мечты. Ветер прибежал резво и остудил горячий приток чувств.

– Кто, кто здесь? Ответьте... – Слабо спросила мать и задрожала от ожидания и ужаса одновременно, пытаясь подняться на локтях и рассмотреть, что же происходит. Ничего не видать. – Кто? – Несмелый вопль потонул под ливнем.

Человеческая душа ждала ясности и понимания. Стало опять не по себе. Приступила новая тоска и проползла по всему телу с осторожным вдохновением. Новый приток страсти забился под сердцем. Не хотелось боли, хотелось успокоения.

– Прошу... Отзовитесь...

Ожидание не подвело на сей раз.

Красиво-огненный жеребец остановился возле неё, из его ноздрей валил густой пар, а копытом он разбивал мокрую землю, по косматой гриве струились алмазы дождя. Высокий статный муж быстро спешил с коня и оказался возле напуганной матери, что в страхе прижимала на груди сына, благодать которого касалась её постоянно, ведь он подарил ей свет и прощение! Подарил любовь!

Человек был знатного рода, богат, красив, молод, полон сил! Его мужественное лицо глядело с удивлением на женщину, лежащую в грязи и крови. Она тоже красива и молода, но безродная и бедная, хотя имела полное право на земное

счастье.

–Что ты тут делаешь? – Спросил с непониманием и состраданием незнакомец, надеясь вызнать правду своего поступка. И его смелое сердце было не лишено благодати. – Где же твои родственники и почему оставили одну?

–А ты? Что ты делаешь здесь в такой час?– Как-то глупо прозвучал вопрос. Но она уже не могла думать правильно или выискивать какую-то правду, у неё не оставалось сил, она измучена, лишена милости, ей необходима помощь доктора.

–Конь принёс меня сюда, – отозвался он бодро.

Женщина раздумывала над чем-то.

–Что случилось с тобой? – Снова повторил мужчина. Сильное волевое лицо изображало неподдельное удивление светящихся глаз. Энергия была ключом! Мужественный, благородный! От него веяло чем-то необыкновенным. Но это не сон! это явь! и пусть она накроет женщину своим крылом!

–Помогите нам, – попросила не громко, покров святой радости уже придавал ей уверенность и силы. – У нас никого нет, мы совершенно одни в этом мире... Прошу, помогите... – Женщина боялась, что и он уедет, оставит её одну умирать тут.

–Конечно, помогу...

–Правда?! – Она начинала верить в удачу.

С неба уже не раздавался вой и гром. Тучи понемногу рас-

сеивались по округе. Страсть потихоньку разбивалась и утекала незаметно в просторы мрачной бездны. Таинство веры складывало особенное усердие любви. Любовь не казалась напыщенной или обманной, напротив, её величие было реальным и настоящим.

–Пойдём со мной, – предложил мужчина и протянул руку.

–Пойти? – Она смутилась.

–Да. – Повторил незнакомец.

Женщина обеспокоено бросила взгляд мольбы на спасителя, о чём-то замешкалась чуток, потом решилась сказать всё, как есть, ведь ей уже нечего терять. Помолчала малую минутку и добавила дрогнувшим голосом. – Мой сын... – Слово онемело в мысли, она не осмелилась договорить, слёзы покатались по холодным щекам болезненно, обречённо и униженно, обличая все грехи.

Мужчина только теперь заметил мальчика, покоящегося на груди измученной женщины. Его вид не изменился, нет, отношение не проявилось неприязнью, он тоже знал, что в этом ребёнке соприсутствует святость Великого Гения, Который привёл и его самогó на путь этого совокупления с чем-то неведомым и тайным, странным и великим! Ведь и к нему явился Голос Небесный посреди восходящего покоя и привёл на тропу к той, кого он повстречал ныне, и кто сейчас был у его ног.

–Это твой сын разливал чудо песенного звука?

–Мой...

–Малышу дано благо Творца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.